

Ленинградская правда

Разговор за кулисами

СЛЫШАТЬ ЗРИТЕЛЯ

МЫ ВСТРЕЧАЛИСЬ с главным режиссером Ленинградского народного артистом СССР Юрием Сергеевичем АТАМИРЯНОМ после его возвращения из Федеральной Респубрики Германии. Каждый год театр идет в Гамбург на гастроли.

— КАК прошли наши выступления? — был первый вопрос.

— Я бы сказал, что гастроль в целом была успешной и очень интересной для нас. Встреча с новыми, совсем новыми зрителями, актерам всегда ползна. Никто не мог предсказать, увлекут ли жители Гамбурга наши представления.

Далекая Клыма. Искаженные судьбы и характеры людей — жертва сталинского режима. Все это в пьесе Игнатия Дворецкого глубоко волнует нас, переживших эту трагедию общества и сегодня еще переживающих последствия той эпохи. Но, как оказалось, заложники в этом произведении проблемы нравственности, размышления о человеческом долге, совесть оказались близкими и зарубежному зрителю. Знакомство с нашими спектаклями позволяло им убедиться в переменах, происходящих в нашей стране. Если на первом представлении «Колыма» зал заполнился процентов на восемьдесят, то уже на следующем — был полон. С успехом прошел и спектакль «Зеркало» — философская фантастическая трагикомедия М. Гиндина и В. Сивилевича, постановка, являвшая собой как бы новое направление наших творческих исканий.

— А помните, были сомнения в труппе — стоит ли вообще ставить «Колыму»?

— Да, такие случаи бывают. Актеры говорили тогда, что ничего информативного нового зритель здесь не получит. Но ценность пьесы была в другом — острый разговор о чести, долге, человеческом достоинстве и минимой. Проблемы вечные! Наконец, это же только о том, что прошло, но и о нас с вами — о нашем отношении к прошлому. А от этого отношения зависит и наше будущее.

«Колыма» — был, если хотите, «социальный заказ». Я же боюсь этого слова. Потому что под термином «социальный заказ» я понимаю мое ощущение того, что сегодня хочет от театра зритель. Это требование быть современным, то есть слышать, понимать заботы, чаяния, надежды народа. Видно, насколько и сумеем угадать их, прилагать к ним, прояснить. И меня очень удивляют высказывания режиссера Антона Васильева, который заявил в интервью корреспонденту «Смены», что ему театр вообще не нужен. Театр, дескать, должен существовать сам для себя. Парадоксальные мысли. Думаю, что на самом деле он так не думает. Можно увлечься самим процессом создания спектакля. Но когда режиссер ставит пьесу, он не может не думать о зрителе. Это в природе театра.

— Сейчас, как стало принято говорить, социальное искусство в кризисе. Общественный интерес к нему падает. Сможет ли театр сыграть существенную роль в духовном возрождении общества?

— Сложно. И потому сегодня не поддается никаким модным течениям, что сейчас развилось необычайно («я их приветствую»). Считаю непростительным подлом выпускать прежде всего спектакли, которые имели бы социальную остроту, вызвали бы общественный интерес, заставляли бы зрителя думать. К этому стремился всегда — и в эпоху зрелой юности, понимая и понимая такие, например, пьесы, как «Синие холмы на высокой траве» Шатрова, «Гнездо глухарки» Розова, «Святая святых» Друж. Конечно, один спектакль удавалось больше, другие — меньше, но я за всю свою жизнь не поставил ни одной пьесы из конъюнктурных соображений, ни одной, которую бы мне действительно не хотелось поставить.

Конечно, время меняет расстановку эстетических ценностей. Меняется и сама эстетика театра.

Еще такое понятие: «Артист — властитель дум». Несущий идею. А не просто «кумир», «звезда». В тридцатые годы таким несомненно был Николай Симонов. Позже — Иннокентий Смоктуновский. Совсем другая личность. Общие условия творчества повлияли. Сейчас, по-моему, интересно работают Олег Басилашвили, Алевт Фрейндлих. А взять Малый драматический театр — там ансамбль. Может быть, это ансамблевость — есть важнейшее достижение театра. Был и МАДА — ставился диссонанс. Там же было «гнездо». Ситуация, что сегодня «звезда» — это не акробат. Оказавшись в плохую погоду ночью, концерт по первой программе — «звезды» сменяли свои друг друга, и, наоборот, все пела одну и ту же образную песню. Коллективными силами, а не индивидуально. Принцип один и тот же. Индивидуальности не существовало.

— Знаете, и сейчас и театру сегодня нужны яркие индивидуальности, творческие личности, творческие лидеры. А что делать, чтобы лидеры были?

— Это должно происходить само собой. Наши театры делают что-то сделать быстро, чтобы помочь — это важно. Но это не фабрика или завод, можно бросить ресурсы, включить технологию, выпустить больше какой-то продукции и сказать: «Вот так». В театре — это невозможно. Рождение личности — сложный процесс, и его нельзя ускорить. Уходят годы, приходят другие. Так было всегда. Это естественный процесс. Конечно, эти объективные обстоятельства всей страны. Но всегда кто-то из творческих соревнуется, отстаивает, кто-то не выдерживает режима, напряженки, а кто-то выдвигается вперед.

Ушел из жизни Тонконогов — театр будет переживать трудные времена. Потому что режиссера такого масштаба нет. И повторения быть не может. Но, может быть, случится так, что придет кто-то такой, кто повернет театр в свое русло, и будет новый Большой драматический театр с трагическим Тонконовым. Но уже в другое время.

— Может быть, развращенность широкой студийной движением будет способствовать рождению новых творческих лидеров?

— Студии действуют в социальном плане. С одной стороны, возмущение их укрепляет людскую жизнь города — было 16 театров, теперь сколько — не сосчитать. Каждый имеет своего зрителя — один издалека, другие — нет. Критики ругают многих за неинформативность. Но именно движение уже сильно тем, что раскрепощает творчество, ставит массовость театрального искусства. А раз массовость, то и повышается возможность выявления, развития талантов. Пусть студии перегибнут где-то назад — но это лучше, чем стойкого болота. А что же касается профессионального управления, то время все расставит на свои места.

— Чтобы выжить сегодня в условиях хозрасчета, театру, в том числе студийному, приходится бороться за зрителя.

— Борются все театры. Борются все театры. Театр всегда борется за зрителя. Студийная же и более. Но раньше театр был частью жизни общества, где можно было услышать слова правды. Земскровальники, зарезники, широкими. Они утратились в театре. И тем театр потерял. Сегодня очень трудно соперничать со средствами массовой информации. Конфликт со зрителем начался не вчера. Оценочность не на злобу дня, а на вечные ценности. Понимать, разбираться в сложных нравственных проблемах. Способствовать духовному пробуждению общества.

Ставя спектакли «Мир без китов», «Библиотечка», «Максим в конце тысячелетия», мы сегодня уже принципиально пренебрегаем пресловутый конфликт отца и детей, признаемся, что, что мироощущение у каждого нового поколения должно быть свое. Малыми силами трудно понять старших. Но ведь если взять философию человечества в представлении, что дети во всем соглашались бы с родителями — мы бы уже давно сидели бы в пещерах. Источники прогресса в том, что следующее поколение не все принимает от предыдущего, а приносит в жизнь свое, свое.

Думая сегодня о зрителе, мы должны помнить, что театр — это не только идея, хотя идея в основе. Это и разнообразие жанров, и умение быть увлекательным в смысле средств выразительности. Нам должно быть не чуждо стремление к юмористическому высказыванию мира (если материал соответствует). А главное — умение говорить со зрителем так, чтобы зритель казался, что это про нас. Можно ставить и «Гамлет», и «Федора», но зритель должен уметь уловить себя и свои проблемы в том, что происходит на сцене. Если это так, то это принадлежит к высшему искусству — скажем, шпильки посла буржуазии до октябрьского переворота.

Чувствовать артиста — это не есть социальный заказ.

— А что за практика идет сейчас на сцене?

— Говорим о постановке нового спектакля «Начало» по пьесе известного советского драматурга Бориса Васильева. Написано это драматургическое произведение уже давно. Но только сейчас мы можем в полный рост говорить о том, какое общество было сложным нашим великим коммунистическим на самых разных уровнях. Действие разворачивается в течение четырех часов перед началом войны. Это пьеса об ответственности, о выстраивании людей от гнилой бюрократического метода руководства.

— Знаете — тоже социальный заказ?

— Да. Заключается здесь идея социализма, которая должна быть, которая борется за то, чтобы преобразовать свою жизнь.

В этой пьесе, которая 45 лет Победы зрителю увидит премьеру.

Беседу вел
Н. КИРОВА